

Эмма Рудкевич

ВЛАСТНЫЙ
НАСЛЕДНИК.
Я слышу тебя сердцем!

Эмма Рудкевич

**Властный наследник.
Я слышу тебя сердцем!**

«Автор»

2026

Рудкевич Э.

Властный наследник. Я слышу тебя сердцем! / Э. Рудкевич —
«Автор», 2026

Я не слышу музыку. Я чувствую её кожей. Но в элитной академии «Резонанс» мой талант назвали обманом, а меня — глухой куклой. Даниил Гром, наследник медиаимперии, предложил сделку:— Работай на меня. Иначе тебя исключат. Он забрал моё время, контролировал каждый шаг и заставил поверить, что без него я никто. А потом я узнала страшное: его семья оплатила эксперимент, из-за которого я потеряла слух. Теперь у меня есть доказательства, способные уничтожить империю Громовых. И музыка, которую услышат даже те, кто привык меня презирать. Смогу ли простить? Но почему именно Даниил оказался человеком, чьё сердце я научилась чувствовать без единого звука?

© Рудкевич Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	12
Глава 5	15
Глава 6	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Эмма Рудкевич

Властный наследник.

Я слышу тебя сердцем!

Глава 1

В аудитории №401 двигались рты, скрипели, наверное, стулья. Шаги за спиной доходили через пол, смех — через вздрагивающие плечи. Сегодня нужно было показать свой трек, и я старалась смотреть на пульт, а не на студентов, заранее приготовившихся веселиться.

USB-флешка вошла в гнездо ноутбука, подключенного к проектору. До кнопки «Play» оставалось одно движение, и я замешкалась. Пока трек не начался, они еще не могли сказать, что я сделала его плохо. Удобная отсрочка на пару секунд; дальше все равно придется показывать.

— Опять эта техника? — Лика Морозова повернулась ко мне, нарочно растягивая слова, чтобы я прочла их по губам. Она сидела в первом ряду, поправляя идеальную челку. — Кира, у тебя штекер не входит. Ты даже подключить колонки нормально не можешь. Это же стыдно.

Студенты прикрывали рты ладонями. Смотрели при этом на меня — чтоб не пропустить реакцию. Уши горели, адаптер никак не хотел выбираться из бокового кармана сумки. Проверила соединение и переподключила колонки; Егор дал мне этот переходник именно на случай капризов местной техники. С третьей попытки штекер встал. Вдох, выдох. Если сейчас убежать, мой трек так никто и не узнает.

Верещагин постукивал пальцами по столу и смотрел вверх очков. Уже проверял часы. Я знала этот взгляд: он заранее записал себе, что со мной придется возиться. — Запускай, Волкова. У нас мало времени.

Нажала «Play» и положила ладонь на край колонки. В этом треке я собрала низкие частоты, которые ощущала ребрами и подошвами: хотела, чтобы остальные тоже попробовали. Но нужного толчка не было. Индикатор едва двигался. Лика передернула плечами и указала на динамик; на лицах рядом читалось то же недовольство. Они получали какой-то скрежет вместо баса, а я не могла проверить его их способом.

Верещагин поднял руку. — Стоп. Что это? Он посмотрел на меня со смесью жалости и отвращения. — Глухой человек не может оценить качество звука, Кира. Ты подделала файл? Или просто не понимаешь разницу между тишиной и пустотой?

На слове «подделала» я наконец подняла голову. Файл мой; я проверяла его, калибровала частоты, ночами сидела ладонью на колонке. Он даже не дал мне показать настройки. Хотела объяснить — и открыла рот, но толчок от распахнувшейся двери прошел через пол до самой груди.

Даниила Грома я узнала сразу: капитан курса, наследник «Гром Медиа». Его фотографии попадались даже в чате с расписанием. Вживую волосы у него лежали хуже, чем на снимках, зато посмотрел он на нас так, что Верещагин убрал руку с пульта. Даниил прошел к микшеру, не потратив на приветствие ни секунды.

Даниил вставил в уши защитные вкладыши и повернул один регулятор до упора. Даже так его челюсть свело; он смотрел на пульт, словно заранее ненавидел то, что собирался сделать.

Резкий толчок прошел в ступни. Студенты зажимали уши; у первой парты один парень уронил тетрадь и бросился к двери. За ним побежали другие, задев стулья. Я осталась у ноутбука и смотрела на эти раскрытые рты. Даниил все еще держал регулятор. Зачем было выкручивать настолько?

А я стояла неподвижно.

Подошвы мелко дрожали, но больше ничего со мной не случилось. Я осталась возле ноутбука и смотрела на Даниила. Он оглядывал разбегающихся студентов, а потом остановился на мне. Замер. Проверил пульт, снова посмотрел — словно ждал, что я тоже закрою уши, и никак не мог дожидаться.

Даниил резко убрал громкость. Пол перестал дрожать. Те, кто остался, все еще прижимали ладони к ушам.

Теперь он шел ко мне. От каждого шага пол отзывался под ногами, и за этими толчками я пропустила момент, когда он подошел слишком близко. На челюсти ходили желваки. Его ледяные пальцы легли мне на щеки — без вопроса, без хотя бы секунды, чтобы я решила, позволить ли.

Он склонился ко мне, но я отвернула голову, заставив его говорить перед моим лицом. Я не слышала слов, зато видела движение его губ. Каждое слово было вырезано в воздухе: «Ты единственная, кто не сбежал от моего шума. Ты моя новая игрушка».

«Игрушка». Я еще смотрела на его рот, когда до меня дошло последнее слово. Значит, стоило не побежать вместе со всеми, и меня уже можно забрать себе?

— Ой, принц наш нашел себе питомца! — Лика Морозова подошла ближе; я прочла по губам и эту фразу, и следующую. Она толкнула меня плечом, заставляя качнуться. — Извинись перед Даней, глухая кукла. Посмела стоять во время его выступления. Позор академии.

Я взяла его за запястья и отвела ладони от лица. Потом отступила и посмотрела на Лику. Она ждала извинения — рот уже приготовился к следующей гадости, но я не отвела глаз. Плечи расправила, хотя ноги после всей этой сцены дрожали. Нас заставили стоять перед всеми, а теперь еще предлагают признать, что виновата я. Лика замолчала; мне хотелось продлить эту паузу.

Даниил усмехнулся. Тонко, опасно. Но он не вмешался.

Верещагин, наконец, оправился от шока и постучал указкой по трибуне. — Волкова! Вы нарушаете этику прослушивания! Ваша провокация привела к инциденту. Работа не принята. Два балла. И предупреждение: если повторится подобное «неадекватное поведение», вы лишаетесь стипендии.

Два балла. Я перевела взгляд с профессора на строку в ведомости: он действительно поставил их мне, а не Грому. За шум отвечать будет девочка, которая стояла у ноутбука. В следующем месяце мне нечем будет оплачивать даже привычные мелочи, если вслед за двойкой снимут стипендию.

Провода никак не сворачивались: один конец цеплялся за соседний, руки дрожали. Егор Тихонов поднялся со своего места в углу и потянулся помочь. Я убрала кабель прежде, чем он взял его. Поможет перед всеми — вот, сама даже сумку собрать не может. Запихнула провода как получилось и вышла.

В коридоре никого не было. Длинный ряд ламп отражался в линолеуме, и я прислонилась к стене, закрыв глаза. Дома придется объяснять двойку. Про стипендию лучше бы вообще не говорить — пока еще не отобрали. Но сколько раз можно повторять это «пока», если профессор уже обещал следующее предупреждение?

По полу прошли толчки быстрых шагов. Я обернулась. Даниил Гром.

Гром встал рядом, оставив руки в карманах. Я смотрела на его губы и ждала хотя бы «извини». Ничего. Только запах табака, резкий после пустого коридора, и его плечо совсем близко к моему.

— Хочешь остаться? — спросил он. Он смотрел мне в лицо, чтобы я могла прочитать по губам. Я кивнула. Что еще мне оставалось делать?

— Тогда стань моим ассистентом на проекте для гала-концерта. Без права голоса. Без права вопросов.

Это звучало как издевательство. Как ловушка. Я отрицательно покачала головой, делая шаг прочь. Мне не нужен был монстр в качестве спасителя.

Он перехватил меня за руку и развернул. Я потянула пальцы на себя, но Даниил уже поднес телефон. На экране открылась запись с камеры аудитории. Его хватка ослабла только после того, как я начала смотреть.

На записи возле пульта стояла я. Остальные дергались, обходили парты, убегали; у меня даже плечи не поднялись. Камера не показывала, насколько неудобно было так стоять. Только спокойное лицо посреди всей этой суматохи.

— Гиперакузия, — произнес он, глядя мне прямо в глаза. Теперь я понимала каждое слово, потому что он говорил медленно, четко артикулируя. — Любой резкий звук причиняет мне физическую боль. Мигрень, тошнота, желание убить источник шума. Я ненавижу этот мир за его громкость.

На слове «мир» Даниил остановился. Сжал губы, отвел взгляд на стену. Я ждала, когда он снова повернется: после такого признания хотелось хотя бы раз увидеть его лицо без привычной усмешки.

— Когда я включил белый шум... все сбежали. Кроме тебя. Ты не закрыла уши. Ты не поморщилась. Для меня ты стала единственным тихим углом в этом аду. Мне нужна твоя способность игнорировать боль, чтобы я мог работать спокойно рядом с тобой. Это не игра, Кира. Это зависимость.

Я смотрела на него и примеряла услышанное к тому, что только что видела в аудитории. Он сам включил то, от чего ему больно. Все бросились прочь, а он остался — и нашел меня. Теперь это любопытство в его глазах пугало еще больше. Мы оба не подходили для обычного прослушивания, но я никого из-за этого не заставляла бежать.

Он вытащил мою распечатанную партитуру из папки — успел забрать с пульта — и написал на обороте несколько строк. Лист протянул мне. Я сначала посмотрела на свой заголовок, проступавший через бумагу, потом перевернула. Его почерк был аккуратный, с острыми углами. Для моих возражений места не оставил.

Подпись внизу: «Если откажешься — я сделаю так, что тебя выгонят до конца недели. Если согласишься — ты услышишь мир так, как никто другой».

Пальцы у него дрожали, пока держал край листа. Я взяла ручку и еще раз прочла условия. Два балла уже стояли в ведомости; сейчас мне предлагали остаться ценой другого унижения. Подписала. В первый день в академии хотелось унести удачную запись своего трека, а я уносила его договор. И знала про Грома то, чего, кажется, не знал наш курс: ему тоже больно.

Глава 2

За час в студии я успела пересчитать фейдеры и все царапины на краю стола. Микшер был выключен; Даниил поставил меня перед ним и занялся своими экранами. Стул твердый, металл под ладонями холодный. Может, прошло уже два часа. Спросить означало признать, что я только и делаю, что жду его разрешения.

Он стоял спиной перед тремя мониторами со спектральными графиками. Пальцы зависли над клавиатурой — вот-вот возьмется за дело. Я привела руки в порядок, пододвинула стул ближе к пульта. Гром не обернулся. Понятно: сегодня работать разрешено только одному из нас.

От сжатых зубов заболела челюсть. Я разжала ее и начала постукивать пальцем по столешнице: тук, тук, тук. Гром стоял рядом; плечи у него сразу напряглись. Хорошо. Мебель так не делает. Прекращать я не собиралась, пока он хотя бы не посмотрит на меня.

Дверь ударилась о стену. Я вздрогнула от толчка и подняла глаза: Лика уже снимала меня на телефон. Для камеры улыбнулась, поправила угол, чтобы захватить и Даниила. Потом подалась вперед — сейчас, видимо, начнет свое представление.

— Смотрите, какие милые прятки у нас тут! — она повернула лицо к камере, потом ко мне. Вторую фразу я прочла по губам: *«Глухая кукла играет в прятки со звуком»*.

Лика ткнула меня в грудь и придвинула телефон. Отступишь — попадешь в кадр целиком, останешься — она будет снимать лицо. Я попробовала обойти стул, но она толкнула плечом. Подошва проскользнула у ножки, и пришлось быстро подхватить равновесие. Камера все это время следовала за мной.

После толчка я больше не видела ее губ. Зато телефон был прямо перед лицом, и я успела поймать Лику за запястье. Развернула камеру к себе, удерживая ее руку. Ей хотелось снять слезы — пусть получает мой взгляд в упор. Она дернулась; на экране мое лицо оказалось ближе, чем ее, и улыбаться Лика перестала.

— Уйди, пока я не стер твой файл, — бросил Гром вполоборота. Я прочла угрозу по губам. Про ее телефон и мою руку он не сказал ничего. Лика выдернула запястье из моей хватки и вышла, ударив дверью о косяк. Стойка микрофона возле входа качнулась.

Он обернулся и бросил наушники. Я поймала, прижав к себе. Гром смотрел, надену ли их на уши; проверку приготовил раньше, чем я успела освободить руки.

— Если ты такая умная, скажи мне, почему этот трек звучит как дерьмо, хотя осциллограф показывает идеальную волну, — он произнес это медленно, артикулируя каждое слово, чтобы я точно прочитала по губам.

Он снова ждал, что я опозорюсь. Тяжелые чашки зажала между ладонями, прижав их к груди. На сильных долях мембраны мелко толкались в пальцы. Смотрела на счетчик и узнавала рисунок баса, пока на третьей минуте знакомый толчок вдруг не пропал. Вот здесь. Можно спорить с человеком, но пустое место в ритме он тоже должен заметить.

— Три минуты сорок две секунды, — я написала на блокноте, который лежал на столе, и показала ему цифру.

Даниил фыркнул. — Это длительность трека, а не ответ. Приборы чистые. Ты галлюцинируешь вибрациями.

Я зачеркнула единицы измерения и дописала: «Ошибка на 03:42. Дай послушать этот фрагмент руками». Теперь он уже не мог притвориться, что я просто угадала цифру.

Гром вернулся к началу фрагмента и поднял громкость. Ладонь на конусе колонки резко затряслась, но я держала ее там, пока не дошли до ошибки. В этот момент бас опять пропал. Я ткнула в переключатель суммирования каналов и показала на счетчик: вот, то же место.

По отдельности дорожки выглядели чистыми, вместе проваливались. Он проверял красивые картинки; я проверяла, что остается при сложении.

Я подняла глаза на Даниила и беззвучно, четко выговорила одно слово: — Пустота.

Даниил перестал смеяться и подошел ко мне. Схватил за оба запястья, словно теперь проверять нужно их, а не дорожки. Я дернулась. Он сжал сильнее; в предплечье прострелило болью. Подняла голову и смотрела на него, пока он не заговорил. Объяснение мне нужно было не меньше, чем ему.

— Как ты это сделала? Шпионаж? Подслушивание? — его губы двигались быстро, агрессивно.

Запястья выскользнули из его пальцев, и на коже остались синие полосы. Я растерла одну, взяла маркер. Попробуй объяснить Грому ошибку, когда он уверен, что это ты сама ошибка. Буквы выводила крупно, не давая ему отвернуться прежде, чем прочтет:

«Я не слышу. Я чувствую. Твой мир — шум. Мой — тишина. В тишине видно всё».

Он дочитал до конца и отступил от блокнота. Проверил переключатель еще раз — тот, на который я уже указала. Потом убрал громкость. По лицу нельзя было понять, злится ли на меня или на свою ошибку. Я дождалась замечания. Его не последовало. Работать дальше он пока не предлагал, но спор закончился.

Егор приоткрыл дверь, собираясь что-то спросить, и остановился. Взгляд сразу упал на мое запястье. Я потянула рукав ниже, но он уже увидел.

— Кира, давай выйдем, — он протянул руку поверх стула, так, чтобы я могла взять ее сама. — Он тебя ломает. Егор смотрел на меня, не на Грома. Ответ требовался сейчас.

Гром смотрел на протянутую руку Егора, потом на меня. Ждал, что я за нее схвачусь. С Егором действительно было безопасно; можно уйти, прижать к груди больные запястья и больше не проверять этот трек. Но ошибка останется. Ее объявят моей выдумкой, а мне опять предложат заняться чем-нибудь доступным. Я не хотела отдавать ему еще и это.

Я покачала головой. Егор еще несколько секунд держал руку, потом опустил. Вышел, оставив дверь приоткрытой. Оттуда тянуло обычным коридорным воздухом. Можно было догнать его, пока не свернул за угол. Я пододвинула блокнот к себе и осталась у пульта.

Гром приблизился и остановился возле моего стула. Пришлось чуть отодвинуть голову, чтобы видеть губы, а не только подбородок. Дыхание касалось щеки. Он теперь говорил тише — я заметила по почти неподвижной шее — но от этого хотелось держаться дальше, а не ближе.

— Ты не моя игрушка. Ты мой инструмент. И инструменты не имеют права чувствовать боль.

— Перепиши весь проект за ночь. Или контракт расторгается. Он дождался, пока я прочитаю, затем развернулся к экранам и начал набирать код.

Я кивнула прежде, чем успела пересчитать оставшиеся до утра часы. Перепишу. Гром сможет обзывать меня инструментом хоть всю ночь, но если проект заработает благодаря мне, придется это признать. Пусть сейчас проверяет, как далеко можно надавить. Я уже нашла ошибку, которой он не видел, и собиралась найти остальные.

Села к пульту и подвинула фейдеры к отметкам. На мониторе ждало пустое окно проекта. Гром ушел в стеклянную режиссерскую будку, дверь оставил открытой. Я видела его боковым зрением и старалась не проверять каждую минуту, наблюдает ли.

Руки все еще дрожали. Положила ладони на стол, выждала, пока смогу попасть пальцем в нужную кнопку. Только что он не сумел объяснить провал баса, а я сумела. От этой мысли невольно улыбнулась. Пусть ночь длинная; впервые мне было что показать ему, кроме своей глухоты.

Глава 3

Локтем я случайно задела край клавиатуры. Открытая операция переноса в облачном хранилище академии прервалась. На одном из мониторов вспыхнуло уведомление:

«Файл поврежден. Восстановление невозможно».

Открылся черновик Лики Морозовой — с ним она собиралась выступить завтра. Я прервала перенос. Нажала отмену, отправила Грому отметку об ошибке; ответа не было. Если резервной копии нет, придется объяснять, почему коснулась чужого файла. Случайность от этого не станет менее подозрительной. На темном участке экрана отражалось мое лицо. Я отвернулась от него и снова проверила состояние операции.

До лекции по психоакустике оставалось пять минут. Если войти сейчас, дальний угол у окна еще будет свободен. Там преподаватель редко ходил между рядами, свет не бил прямо в глаза и можно было спокойно следить за его губами. После ночи в студии мне больше ничего не требовалось: место, где никто не тянет меня за руки.

Но когда я толкнула тяжелую деревянную дверь, крепости не было.

За преподавательским столом места еще были свободны, но Гром сидел прямо на столешнице. Скрестил ноги, крутил стилус в пальцах. Верхний свет он выключил. Красная лампа аварийного выхода позволяла увидеть только профиль; я узнала его раньше, чем разглядела выражение лица. Рядом со мной студент задержался на пороге, затем прошел в задний ряд. На стол к Грому никто не полез.

Гром поднял голову и поманил меня к себе. Краем ладони похлопал по столу рядом — садись. Красная лампа аварийного выхода подсвечивала его лицо; я видела, куда он смотрит, и отлично понимала жест. На стол преподавателя. При всех.

Ручка двери впиалась в ладонь. Подойти и сесть рядом — потом весь курс будет смотреть, как он меня оттуда сгонит или снова назовет игрушкой. Другой студент проскользнул мимо в задний ряд. Я осталась у косяка. Из-за моего упрямства проход стал уже, но отступать к Грому было некуда.

— Ты не садишься? — голос Даниила раздался из темноты. Низкий, бархатистый, судя по тому, как напряглась его шея. Я прочла вопрос по губам только после того, как он включил настольную лампу и повернул ее к себе.

В горле пересохло, а сдвинуться с места не получалось. Прислонилась к косяку, пропуская входящих студентов. Они огибали меня, смотрели на Грома и быстро занимали места. Стоять на виду было мучительно, но еще хуже — сделать то, чего он добивался, только чтобы на меня перестали смотреть.

Лектор включил свет, и я быстро заморгала. На доске стояла тема: частотные диапазоны и эмоциональное состояние. Тут я хотя бы могла бы ответить. Старалась следить за губами, когда он отворачивался — сверялась с написанным. Герц, резонанс, порог боли. Привычные слова; нужно удержаться за них, а не за Грома у стола.

И тут началось.

Тук. Тук-тук. Тук.

Он постукивал по столу преподавателя всего в двух метрах от меня. Я ловила вибрацию пола подошвами; пока следила за ее повторениями, успела потерять несколько фраз лектора. Попробовала снова сосредоточиться на его губах, но уже ждала очередного толчка. От недосыпа и этого ожидания тошнило. Гром видел, как я морщусь, и продолжал.

Даниил повернулся ко мне. Профессор продолжал говорить о модуляции сигнала, а я перестала следить за его губами. Даниил соскользнул со стола и подошел ко мне. Его дыхание коснулось щеки; я отстранилась ровно настолько, чтобы видеть его рот.

— Слышишь? — прошептал он, и слова, которые я прочла по движению его губ, были отчетливыми, словно выбитыми на камне. — Это биение твоего сердца. Оно предательски громкое. Стучит быстрее, когда ты боишься.

Сердце колотилось, в висках отдавался каждый удар. Отшатнулась и уперлась спиной в бетон. Приложила к нему ладонь, пытаясь следить за ее прохладой вместо собственного пульса. Даниил усмехнулся. По столу он уже не стучал, но я все еще ждала продолжения. Вернуться к лекции не получалось — только смотрела, где держит руки.

После лекции вышла первой, даже тетрадь убрала уже на ходу. В животе тянуло от голода. Хотелось поесть, пока не началась следующая пара и не пришлось опять искать свободное место под чужими взглядами.

В столовой протискивались между столами с подносами. Я взяла кашу и компот; у кассы стоял Егор. Увидел меня, чуть подвинулся, освобождая место рядом. Так просто, что на секунду удалось забыть, сколько времени простояла в аудитории у двери.

— Кира, давай вместе, — сказал он, доставая свой поднос. — У нас есть свободный столик в углу. Там тихо.

Егор говорил, не отворачиваясь, пока я читала. Я кивнула и двинулась рядом. С ним не приходилось заранее угадывать, что потребуется за приглашение к столу. У края выдачи стояли стаканы воды; потянулась за одним, чтобы забрать вместе с обедом.

Гром встал между нами и перехватил край моего подноса. Я еще тянулась к воде, когда его пальцы легли на пластик. Он не спросил, куда иду. От него пахло тем же табаком, что в коридоре. Даже у кассы успел найти.

— Голод делает тебя медлительной, — произнес он, глядя поверх моей головы на Егора, который замер с открытым ртом. — А мне нужны быстрые реакции. И четкая работа.

Даниил поставил передо мной стакан чистой воды и пустую тарелку.

— Пей. Сейчас же.

Кровь прилила к щекам. Он забрал мой обед и поставил пустую тарелку, как будто теперь будет учить меня еще и есть. Я потянулась за подносом; Егор загородил ему путь плечом: — Даниил, она просто хочет пообедать. Отпусти её.

Я ухватила за другой край подноса. Он удержал. Между пальцами оказалось мало места, и я коснулась его кожи: ледяная, сухая. У меня по руке пробежали мурашки, совсем не к месту. Хотелось вернуть обед, а я на мгновение смотрела на наши руки. Подняла глаза прежде, чем он это заметил.

Дернула еще раз, и край подноса скрипнул у меня под пальцами. Мы стояли у прилавка, за нами уже остановилась очередь. Прекрасно: я борюсь с Громом за кашу, а люди решают, стоит ли подождать ради зрелища. — Отпусти, — выговорила одними губами, прямо ему в лицо.

Он прочел «отпусти» и усмехнулся. Поставил поднос обратно на прилавок, затем ушел. Я осталась с пустой тарелкой. Компот и каша все еще были рядом — но после этой борьбы взять их и спокойно понести к столу оказалось труднее, чем до его прихода.

Глава 4

На третьем этаже мигала лампа. Я несколько раз закрыла глаза между вспышками, но становилось только хуже. После бессонной ночи этот рваный свет мешал держаться прямо. До своей комнаты оставалось несколько дверей; я ускорила шаг.

Пахло хлоркой и краской. У соседнего номера стоял Гром. Кончик сигареты высвечивал его лицо, потом снова гас; я успела заметить, что он смотрит на меня. Спросить, зачем поселился рядом, — и придется задержаться. Я шла дальше, держа ключ наготове. Он даже не сделал вид, что случайно оказался в коридоре.

В стекле двери вспыхнул огонек зажигалки. Я быстро вставила ключ, проскользнула в комнату и закрыла все три замка. Стояла лбом к двери, пока не перестала хватать воздух. Аудитория, столовая, теперь мой этаж. За каждым из этих мест я раньше могла спрятаться от другого. С ним это уже не работало.

Положила телефон на деревянное изголовье и включила басовую дорожку. Слабые толчки под ладонью были знакомы; легче следить за ними, чем ждать соседа. Несколько минут получалось. Потом воспроизведение оборвалось. Я повернула экран к себе, проверяя, что случилось, и почувствовала стук в стене.

Затем я почувствовала это.

Стук в стену. Короткие и длинные удары складывались в группы. Я прижала ладонь к стене, считая паузы, пока не узнала повторяющиеся буквы.

Считала паузы, прижав ладонь к стене. Морзе. Я училась различать такие группы; теперь лучше бы не умела. Легла, закрыв уши по привычке, но толчки шли через изголовье. Нужно было отнять от него голову. Не хотела терять ни одной буквы, хотя уже понимала, что пишут.

ТЫ МОЯ.

Подскочила на кровати, и телефон выскользнул из руки в подушку. Потрясла головой, как будто можно так перестать ждать очередную группу. За стеной Гром все еще не спал. До утра я смотрела в окно: огни сменялись серым небом, а паузы между ударами никак не становились обычной тишиной. От самой мысли о соседе было тесно дышать.

Из душа вышла с ознобом. Вода была горячая, кожу на плечах щипало, но согреться не получилось. У моей двери лежала забытая вчера в аудитории куртка. Рядом сложили лист бумаги. Я сначала подняла куртку, потом посмотрела на почерк.

Я подняла его. Почерк был идеальным, геометрическим, без единого наклона.

«Ваша гиперчувствительность к холоду — это слабость. Я заберу её сегодня вечером. Ждите».

Сунула записку в раковину и подожгла. На пальцы потянуло жаром; я дождалась, пока строки почернеют, включила воду и смыла пепел. Его «ждите» все равно осталось в голове. Знал, когда я вернусь из душа, какую вещь оставила. Я вытерла руки, проверила замок. Еще одна дверь, которая его не останавливает.

Сначала хотела только отойти от его двери. Но чем дальше шла, тем яснее понимала: сама я это не остановлю. Ректор, куратор — кто-нибудь должен принять жалобу, пока у меня еще остались и записка в памяти, и злость. По чужому расписанию я жить не подписывалась.

До кабинета ректора поднималась лифтом. Следила за цифрами этажей, стараясь не переключать. У окна перед приемной стояла Лика; улыбалась своему телефону. Потом подняла голову и заметила меня. Улыбка осталась, только телефон опустила: здесь ей стало интереснее.

Лика вошла первой. Я прошла следом и заговорила, пока меня еще не остановили. Про слежку, удары в стену, записку. Седой ректор слушал, чуть наклонив голову. Хотелось довериться этому вниманию; каждую фразу закончить спокойно было трудно.

Ли́ка переби́ла меня, прежде чем ректор успел ответить. — Кира, дорогой мой человек, — она произнесла это слово с таким презрением, что у меня свело челюсти. — Даниил просто интересуется новым материалом. Вы же понимаете, что для художника важна концентрация? А ваша паранойя мешает ему работать. Если вы будете продолжать жаловаться, контракт будет расторгнут немедленно. И тогда... вам негде будет жить. Ни здесь, ни в городе. Вы останетесь на улице. Глухая и одинокая.

Ректор молча кивнул, пряча глаза. Он согласился с ней. Система защищала сильных. Я была слабой.

Вышла в коридор и сразу увидела Даниила у лифта. Двери за ним закрывались. Он подошел, не повышая голоса; я остановилась, не успев свернуть к лестнице. Жалобу выслушали, а идти мимо него все равно приходилось самой.

Ладони легли мне на щеки, теплые на этот раз. Он приблизил лоб, потом отстранился, чтобы я видела рот. От его пальцев по скулам я чувствовала собственный пульс. Он мог отпустить меня прежде, чем заговорить, но не отпустил.

— Если ты расскажешь кому-то ещё, — прошептал он, и я прочла каждое слово по его губам, каждое движение мышц лица, — я сделаю так, что ты перестанешь чувствовать вообще что-либо. Кроме меня.

Я отпрянула, но он не отпустил. Его пальцы скользнули по моим скулам, оставляя легкий, почти нежный след.

— Ты думаешь, я слежу за тобой, чтобы сломать? — Он открыл глаза и дождался, пока я перестану тянуть голову назад. — Нет. Я слежу, чтобы изолировать. Чтобы никто другой не мог коснуться того, что принадлежит мне.

Он говорил о сохранности так, будто меня можно убрать в футляр. Другие видели глухоту, он — способность, которая ему нужна. Я слишком долго путала это с вниманием к себе. Отступила еще на полшага, пока его пальцы наконец не отпустили мои скулы.

Щеку жгло в местах, где были его пальцы. Он улыбнулся, словно теперь я должна успокоиться. Красивый рот; я слишком долго смотрела, прежде чем заставила себя отвернуться. Даниил ушел за угол. Подальше от него хотелось больше всего, но я осталась на месте, дожидаясь, пока ноги перестанут дрожать.

Когда он скрылся за углом, ноги еще несколько секунд не слушались. Коснулась щеки: кожа под пальцами была горячая. В пустом коридоре стояла одна, а близость его ладоней никак не проходила. От этого было страшно и стыдно — злиться на него легче, чем не ждать возвращения.

Планшет прижимала к груди обеими руками. В коридоре третьего этажа не давали пройти: кто-то перегородил дорогу плечом, кто-то поднял телефон. С проектом еще можно было вернуться в студию и работать. Если доберусь до двери, не уроню его и не начну отвечать каждому по очереди.

«Глухая!» Ли́ка повторяла слово так четко, чтобы я не пропустила. «Кукла!» Ее подруги снимали на телефоны. Лиц было слишком много; я переводила взгляд с одного рта на другой, теряя середину каждой фразы. Кто-то задел планшет локтем. Прижала его крепче и застыла, не понимая, где можно пройти. Подошвы ловили дрожь от десятков ног. За спиной тоже двигались — туда отступать было страшно.

Егор протиснулся между двумя студентами и встал спиной ко мне. Теперь камеры упирались в его куртку. Он взял меня за руку, сжал пальцы — я здесь — и потянул в боковой проход. Дальше все равно пришлось идти самой; в узком месте нас пытались задержать, и он не отпустил руку, пока мы не выбрались.

— Идем, Кира. Быстро, — его губы шевельнулись. Я прочла это отчетливо.

На лестнице Ли́ка успела обогнать нас и встать у подвальной двери. Держала телефон экраном наружу. Там было мое лицо из коридора — слишком близко, с открытым от испуга

ртом. Уже выложила. Я смотрела на экран, пока Егор не потянул руку дальше: нам еще нужно было пройти мимо нее.

— Признать своё место, глухая? — прочла я по губам. Она придвинула телефон так близко, что лицо пропало за ним. На записи я уже выглядела испуганной; сейчас Лике хотелось повторить это вживую. Я увидела свой глаз на экране и отшатнулась.

Зажмурилась, едва не задев Егора. Он подвел мою руку к дверной ручке и нажал вместе со мной. Лика еще что-то говорила; я видела только край ее рта. Егор не задержался и не стал отвечать. Протиснулся в дверь, увлек меня следом, закрыл ее. Я осталась стоять на ступеньке. Темно, душно, пахнет пылью и краской. Зато камеры здесь не было.

После коридора подвал оказался слишком темным. Перед лицом больше не было ни камер, ни открытых ртов, но я все еще втягивала голову в плечи. Не хватало света, чтобы увидеть, кто подошел бы сзади. Егор заметил это и потянулся к лампе.

Щелчок.

Лампа высветила лицо Егора, край стола, раскладушку возле стены. Он повернулся ко мне и показал: «Здесь тихо. Здесь только мы». Я следила за руками, пока не получилось опустить плечи. Тогда он взял с раскладушки гитару и протянул ее мне грифом вперед.

Гитару я взяла осторожно, сначала за гриф, потом опустила ладонь на деку. На дереве были потертости от чужих пальцев, края лака стерлись. Здесь можно было ошибиться и не получить смех в лицо. Мне хотелось узнать, что происходит под рукой, когда струна звучит, а Егор никуда не торопился.

— Попробуй, — жестами предложил Егор.

Попробовала повторить рисунок из студии Грома. На грифе пальцы встали неловко, струну прижала слишком сильно. В ладонь пришел обрывистый толчок вместо ожидаемого. Я убрала руку. Все еще ждала, что сейчас укажут на ошибку. Егор сидел рядом, но мне пришлось напомнить себе, что он не Гром и не профессор.

Егор взял гитару обратно и усадил ее между нами. Начал с простых аккордов; струны чуть дребезжали, и он не останавливался исправлять каждую неровность. Под мою ладонь подвел гриф, позволил накрыть его пальцы. Следующее движение я уже ждала. Так можно было играть вдвоем, даже пока я боялась пробовать сама.

Глава 5

В этот момент дверь подвала скрипнула.

На пороге стоял Гром. Я заметила его по тому, как Егор перестал смотреть на струны. Даниил не входил сразу: разглядывал мои руки на гитаре и пальцы Егора под ними. По этому взгляду я поняла, что сейчас придется объяснять не работу. С кем и почему я сижу — вот что его занимало.

Я убрала ладонь с пальцев Егора. Он продолжил играть, даже не взглянув на Грома. Даниил задержался на пороге; я заметила, как стиснул зубы. Обычно на его появление отвечали быстрее.

Даниил вошел и остановился передо мной. Егор оказался сбоку, гитару я больше не держала. Гром смотрел на мои руки, пока я не подняла голову. Только после этого заговорил, медленно, чтобы я могла прочесть:

Твоя работа не закончена.

Я успела прочесть каждое слово. Гром даже не взглянул на гитару: моя работа могла быть только рядом с ним. Он ждал, что я сейчас поднимусь, виновато убрав руки.

Я покачала головой, оставаясь на месте. Потом указала на гитару и показала два жеста: «Слушать. Чувствовать». Здесь тоже работа. Пусть перестанет считать все, что делается без его пульта, потерей времени.

Мой отказ задержал его на месте. Гром посмотрел на гитару, на Егора, снова на меня. Вероятно, пытался понять, чем тот меня подкупил. А мне здесь впервые за долгое время не надо было следить, когда снова схватят за запястье.

Он сделал резкое движение, схватив меня за запястье. Боль пронзила предплечье.

— Вставай, — одними губами произнес он, тянув меня вверх.

Егор встал между нами. Даниил толкнул его плечом, и тот ударился спиной о стену. Полка качнулась; несколько листов сползли на пол. Я смотрела не на них, а на руку Егора, которой он теперь держался за ушибленное место.

Выдернула запястье из пальцев Грома и отступила от обоих. Села прямо на доски, скрестив ноги. Если стану выбирать, за чью спину спрятаться, спор будет продолжаться обо мне без меня. Начала отбивать простой рисунок пальцами, поднимая голову после каждого повторения.

Тук-тук. Тук-тук.

Оба перестали двигаться. Я посмотрела на них, потом на доски, чувствуя толчки под пальцами. В подвале стук получался отчетливым. Даже Гром следил за моей рукой. Егор остался у стены; он больше не пытался вставать между нами.

Он стоял надо мной с еще поднятой после толчка рукой. Я повторила ритм и подняла голову. Пусть увидит: ни за чью спину я сейчас не спряталась, и уходить не собираюсь. Его взгляд спустился к моим пальцам. Вместо того чтобы снова потянуть меня вверх, он наклонился, будто хотел рассмотреть, как через доски передается стук.

Он медленно опустил руку. Перестал пытаться поднять меня. Не из милосердия — судя по взгляду, из любопытства.

Даниил вышел и хлопнул дверью. С потолка сыпалась пыль. Прикрыла ладонью лицо от пыли, подняла голову к Егору. Можно было опять разговаривать без Грома, но слова еще не находились.

Егор тяжело дышал, потирая плечо. Он посмотрел на меня, и в его глазах было недоумение.

— Ты в порядке? — прочла я по его губам.

Я кивнула. У ноги блеснул экран: телефон выскользнул из кармана Даниила, когда он отступал. Я заметила падение слишком поздно, чтобы окликнуть. Или он все-таки хотел оставить его здесь? Егор смотрел на ту же вещь.

Телефон Даниила Грома. Экран светился в полумраке подвала. Одно уведомление, большое и белое на черном фоне:

Файл "Тишина.wav" удален. Восстановить?

Вопросительный знак светился дольше, чем мне хотелось на него смотреть. Можно было открыть файл, пока телефон не заблокировался. Узнать, что Гром прячет под названием «Тишина». Я подняла телефон и передала Егору — пусть вернет, когда тот остынет. Мне хотелось получить ответ от него самого, а не стащить его из чужого кармана.

В аудитории психоакустики еще не началась лекция. Кто-то допивал кофе, кто-то листал телефон; мне нужно было добраться до своей парты и достать чертеж. Смотрели на меня чаще, чем на дверь преподавателя. Значит, за ночь в чате опять что-то появилось.

К концу первого месяца я уже знала, какие места вокруг меня оставят пустыми. В этот день вошла последней. Стоило подойти к обычной парте, как третий ряд поднялся почти целиком: передвигали стулья, забирали сумки, уходили к знакомым. На меня при этом не смотрели. Пустое место получилось слишком большим, чтобы списать на случайность.

Лица сидела перед преподавателем. Когда я устроилась на своем пустом ряду, у нее вздрогнули плечи — смеялась, не поворачивая головы. Преподаватель поправил очки и уткнулся в записи. Он видел, как пересаживались остальные. Теперь оставлял мне разбираться с этим самой, лишь бы не мешала начинать лекцию.

Щеки горели. Я могла разглядеть каждого, кто пересел, и понимала, что они ждут, не уйду ли я тоже. Лучше бы видела только спины. Взялась за край парты и осталась; садиться в этот расчищенный вокруг меня круг было почти так же тяжело, как стоять.

Но я достала блокнот. Черный, толстый, с обложкой из грубой кожи. И карандаш.

Открыла черный блокнот на чистой странице. Карандаш сначала оставлял слишком бледный след, пришлось нажать сильнее. Я рисовала волны — резкие, ломаные, совершенно не похожие на аккуратные примеры с прошлой лекции. Если буду смотреть на рисунок, не стану высматривать, кто еще отодвинулся. За каждым штрихом находился следующий, и мне понемногу хватало дыхания.

Лица поднялась с первого ряда и направилась ко мне со стаканчиком кофе. Я следила не за ее лицом, а за тонким картонным краем: она держала его наклонно, почти над чертежом. Убрать блокнот сейчас означало показать, что я заранее испугалась. Медленно придвинула его ближе к себе.

— Извини, дорогуша, — прошептала она. Губы двигались быстро, но я читала их легко. — Рука дрожит. От нервов, знаешь ли. У некоторых людей слишком тонкая душевная организация.

Она наклонила стаканчик еще немного. Кофе разошелся по рисунку, размазывая графит; несколько капель попали мне на пальцы. Я отдернула ладонь и сжала зубы. Хотелось приложить ожог к чему-нибудь холодному, но сначала нужно было снять со страницы лужу, пока не промок весь блокнот.

Студенты замерли. Все ждали, что я заплачу. Что выбегу. Что попрошу помощи.

Достала салфетку и промокнула лужу. Тереть нельзя: графит расползется дальше. Вместо четких линий на бумаге получилось темное озеро с несколькими сохранившимися берегами. Я покрутила блокнот, оценивая рисунок. Потом посмотрела на Лику. Она еще держала стакан над партой — ждала, когда наконец начну выяснять, за что.

Я медленно показала жестами: *«Это теперь искусство. Ты добавила текстуру»*. Лица не знала языка. Тогда я дописала эту фразу под рисунком и повернула к ней блокнот. Она хотела оставить на моей работе позорное пятно — а получила подпись соавтора.

Ли́ка дочитала подпись и убрала стаканчик. Краснела все сильнее. Я держала блокнот повернутым к ней, не помогая придумать ответ. В итоге отвернулась и пошла на свое место. Пятно она оставила; испортить мне еще и лицо для камеры не получилось.

Дверь открылась снова. Дании́л Гром.

Гром вошел в черном свитере, с наушниками на шее. Ли́ка задержала на нем взгляд, остальные тоже повернулись к двери. Он выглядел бледнее, чем в студии. Я перестала промокать страницу, чтобы не пропустить, куда пойдет.

Прошел возле моей парты, так близко, что я узнала запах его духов. Даже не посмотрел. В дальнем углу сел, натянул наушники и закрыл глаза. Я все еще держала салфетку над рисунком, пока не заметила, что с нее капает на страницу.

Отсекся.

Я задержала на нем взгляд дольше, чем собиралась. После студии хотелось хотя бы короткого кивка — мы знакомы, я знаю, что ты можешь. До его места было далеко, а наушники уже закрыли уши. Значит, вчерашнее уважение действовало только за закрытой дверью. Увидеть это при Ли́ке было особенно неприятно.

Стыд еще жег щеки, а я уже рассматривала затылок Грома и представляла, как поставлю перед ним новый трек. Без просьбы спасти, без благодарности за разрешение работать. Посмотрим, получится ли так же отвернуться, когда файл будет готов.

После лекции меня не выпустили.

У выхода из корпуса стояла группа студентов. Человек десять. Ли́ка была среди них, скрестив руки на груди. — Кира, — её голос звучал звонко в гулком коридоре. — Ты ведешь себя неприлично. Публичное демонстративное безразличие — это форма буллинга над нормальными людьми. Принеси извинения. Скажи вслух, что ты дефектна и благодарна за шанс учиться здесь.

Они сомкнулись вокруг меня. Сзади было чье-то плечо; чтобы повернуться, пришлось бы задеть. Сердце стучало в висках. Я смотрела на промежутки между людьми, а не на Ли́ку. Пока каждый из них просто стоит, выхода нет.

Слова оставлю до того момента, когда дадут выйти. Пальцы нащупали в кармане маленький массажер для шеи; обычно его ровная дрожь помогала успокоиться. Я включила максимум и придержала устройство ладонью. Если подойдет для панели у двери, можно будет заставить их обернуться.

Затем я положила ладонь на стену здания. Бетон. Холодный, плотный, живой.

Я прижала устройство не к бетону, а к пустой металлической панели у двери. Панель затарахтела, усиливая мелкую дрожь мотора. Ладонь на стене скрывала движение; со стороны казалось, будто за обшивкой ломается что-то большое. Ли́ка обернулась. Мне нужна была не победа над зданием — одна секунда, когда они перестанут смотреть на меня.

Ли́ка побледнела. Один из парней схватился за голову. — Что происходит? — крикнула она, но её голос потонул в нарастающем гуле стены. — Технический сбой! — кто-то крикнул из глубины толпы. — Нам надо выйти!

Один парень дернулся к выходу и толкнул соседа. Между ними открылся просвет — я пошла в него сразу, не проверяя лицо Ли́ки. Выключила массажер уже на ходу, убрала в карман. Никто не успел снова сомкнуть круг. По ту сторону двери я выдохнула, только тогда поняв, как долго задерживала дыхание.

Глава 6

В студии звукозаписи №4 было темно. Изолированная камера пахла пылью и электроникой.

Включила монитор. Вместо папок с проектом загрузилось сообщение администратора: «Данные повреждены. Восстановление невозможно». Ниже Лика оставила свою приписку: «Твой звук слишком тихий для мира». Я прочла ее раньше, чем решилась открыть хранилище еще раз.

Пусто. Я знала, какие папки здесь лежали, в какой оставила последнюю версию. За месяц были черновики, ночные записи, пробные настройки костной проводимости. Ни одной. Лика даже не постаралась скрыть, что сделала.

Ударил кулаком по столу. В костяшках отдалось так сильно, что пришлось прижать руку к груди. Разжала пальцы и снова посмотрела на экран. От удара папки не появятся. Зато мне больше не хотелось садиться здесь и ждать разрешения восстановить свое.

Нет, — подумала я. *Цифра мертва. Живое тело помнит всё.*

Перепишу. Целиком. Рисунок я еще помнила пальцами — сколько раз отбивала его, пока проверяла дорожки. Если компьютер больше не хранит, запишем заново то, что я могу высту- чать. Лике придется удалить и мою память, чтобы закончить эту работу.

Дверь студии скрипнула.

Егор. Он стоял на пороге, держа в руках старый кейс с аналоговыми магнитофонами. Его лицо было напряженным, добрым и виноватым. — Кира... Я слышал про бойкот. Про файлы. Давай я помогу. У меня есть запасные ленты. Мы можем перезаписать всё вручную. Это будет долго, но мы справимся. Вместе.

Он сделал шаг внутрь. Протянул руку, предлагая поддержку. Я смотрела на протянутую ладонь и помнила ее тепло.

И это тепло ранело сильнее холода Лики.

Егор смотрел на ожог, потом на пустой экран, и говорил осторожнее обычного. Я знала, что он хочет помочь. Но сейчас каждое это «мы справимся» звучало как «сама ты не можешь». Он протянул кейс, а я отступила: пусть сначала спросит, что мне нужно, вместо того чтобы устраивать еще одно спасение.

— Нет, — сказала я жестами. Резко. Отрывисто. — Кира, пожалуйста, — он поморщился. — Ты одна не справишься. Система заблокирована. Тебя исключат.

Меня уже исключили, — ответила я взглядом. *Из мира тех, кто слушает ушами.*

Егор опустил кейс. Я видела, как перестал смотреть на ожог и отвел глаза. Дальше уговари- вать не стал, вышел и прикрыл дверь. Я осталась у стола. Еще минуту назад хотела, чтобы он ушел; теперь посмотрела на кейс, которого уже не было.

Заперла дверь изнутри. Поворот ключа — металлический, удовлетворяющий клик. Теперь я была изолирована. Абсолютно.

К двум ночи работать стало нечем: я сидела на полу, прислонившись к стойке микро- фона, и разглядывала руки. На кончиках пальцев болели места от струн, ладонь жгло после кофе. Наброски лежали рядом. Можно было откинуться и закрыть глаза, но стоило перестать отбивать рисунок, как снова представляла пустые папки.

Свет в студии включился сам. Яркий, режущий глаза.

В дверях стоял Гром с сервисным ключом. Я запирала от студентов, а у владельца студии, конечно, есть свой вход. Наушники он не снял. Подошел медленно, осматривая пол возле моих ног. Поднимать бумаги и рассказывать, что произошло, я не собиралась.

Гром остановился в полуметре. Я разжала кулаки: под ногтями остались красные вмятины. Он посмотрел на руки, потом на лицо. Кажется, проверял, плакала ли. Я не стала ни прятать ожог, ни объяснять, почему он здесь.

Он не спросил, почему файлы удалены. Не спросил, где Егор. Не предложил помощь.

Он взял со стола микрофон — большой, конденсаторный, с золотистой сеткой. Поставил его перед моими губами. Крепление резко дернулось под его пальцами; я вздрогнула.

Даниил наклонился к моему уху. Я отстранилась и подняла подбородок: хочешь приказать — говори так, чтобы я видела. Он повернул лицо, и я прочла по губам:

«Покажи мне, как звучит твоя ненависть».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.